

Глава I

СТАТУС ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Играя важную роль в жизни общества, перевод издавна привлекал к себе внимание литературоведов, психологов, этнографов и лингвистов. Различные, порой взаимоисключающие, взгляды на сущность перевода и его принципы, переводимость прослеживаются на разных этапах развития человеческой мысли [Федоров, 1983; Копанев, 1972]. Вместе с тем попытки создать научную дисциплину, нацеленную на описание и анализ этого сложного и противоречивого феномена, имеют сравнительно непродолжительную историю.

В свое время видный советский лингвист А.А.Реформатский дал отрицательный ответ на вопрос о возможности создания "науки о переводе", аргументируя это тем, что поскольку практика перевода пользуется данными различных отраслей науки о языке, она не может иметь собственной теории [Реформатский, 1952].

С тех пор прошло более 30 лет. Теория перевода прочно утвердилась как научная дисциплина. Этому способствовали осознанная общественная потребность в научном обобщении переводческой деятельности, развитие языкознания, теории коммуникации и других отраслей знания, обеспечивших научную базу для изучения перевода, и, наконец, появление серьезных переводческих исследований, убедительно доказавших возможность и перспективность создания научного направления для выявления сущности перевода как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Вместе с тем, как отмечалось выше, ряд принципиальных вопросов, ответ на которые во многом определяет статус теории перевода, до сих пор является предметом споров. К их числу относится вопрос о предмете теории перевода. Так, И.И.Ревзин и В.Ю.Розенцвейг считают, что таковым является "сам процесс перевода (*das Übersetzen, translating*), при котором совершается переход от одной системы знаков к другой и который может быть описан в семиотических терминах" [Ревзин, Розенцвейг, 1963, 20—21]. При этом проводится принципиальное разграничение процесса перевода и его результата (*die Übersetzung, translation*). Нецелесообразность включения последнего в предмет перевода аргументируется тем, что ориентированная на результат процесса перевода традиционная теория перевода строилась как дисциплина нормативная, главной целью которой было установление результата процесса перевода и выработка критериев оценки его качества. В то же время "наука,

стремящаяся описать перевод как процесс, должна быть не нормативной, а теоретической" [там же-, 21].

Думается, что столь резкое противопоставление теоретического и нормативного подхода едва ли оправданно. По-видимому, оно в какой-то мере отражает свойственное некоторым направлениям структурного языкознания негативное отношение к учету аксиологических аспектов языка. Исключение из рассмотрения результатов процесса перевода неправомерно сужает предмет теории перевода и едва ли способствует выявлению его сущности. Не следует забывать, что перевод представляет собой целенаправленную деятельность, отвечающую определенным требованиям и нормам и ориентированную на достижение определенного результата. Эти нормы отражают ценностную ориентацию переводчика, без учета которой нельзя удовлетворительно объяснить логику переводческих решений. Поэтому можно в целом согласиться с В.Н. Комиссаровым, который, отмечая известную нечеткость этих норм, лежащую в основе таких используемых в переводческой практике оценочных понятий, как "адекватный перевод", "буквальный перевод" и "вольный перевод", в то же время приходит к выводу о том, что "противоречивость и недостаточная конкретность правил и принципов, формулируемых в некоторых работах по теории перевода, не означает принципиальной ошибочности нормативного подхода к переводческой деятельности" [Комиссаров, 1980, 150].

По-видимому, едва ли возможно построить теоретическую модель перевода, не располагая его идеальной схемой с установкой на определенные результаты. Вопрос о переводческой норме будет подробно рассмотрен ниже. Сейчас же отметим, что исчерпывающий, всесторонний анализ перевода возможен лишь на основе учета как его процессуальной стороны, так и его результатов, или, иными словами, на основе сочетания динамического и статического подходов. Отсюда следует, что традиционный переводческий анализ, основанный на сопоставлении исходного и переводного текстов, имеет такое же право на существование, как и анализ, прослеживающий процесс перевода в его динамике.

В то же время сведение задач теории перевода к сопоставлению текстов также едва ли оправданно. Поэтому вряд ли можно согласиться с Л.С. Бархударовым, определяющим сущность лингвистической теории перевода как "сопоставительное изучение семантически тождественных разноразличных текстов" [Бархударов, 1975, 28].

Выделяя предмет теории перевода и отграничивая его от предметной области смежных дисциплин, И.И.Ревзин и В.Ю.Розенцвейг приходят к выводу о том, что теория перевода как наука с собственной проблематикой, с собственными категориями и методами, должна строиться преимущественно дедуктивно [Ревзин, Розенцвейг, 1963, 341]. Разумеется, дедуктивный подход к анализу перевода, т.е. подход, при котором частные положения выводятся из общих оснований (из общих суждений, правил, законов), вполне возможен и закономерен, хотя возможность теоретического осмысления перевода путем чистой дедукции представляется крайне сомнительной. В этом отношении прав О.Каде, исходящий из того, что чистой дедукции в математическом смысле не может

быть в эмпирических науках, к которым относится теория перевода [Kade, 1968].

В цитированной выше работе Л.С. Бархударов, определяя перевод как процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке, приходит к выводу о том, что перевод "имеет дело не с системами языков, а с конкретными речевыми произведениями, т.е. с текстами" [Бархударов, 1975, 27]. С этим положением высказывает свое несогласие В.Н.Комиссаров, усматривая в нем подразумеваемую "независимость" или, во всяком случае, "периферийность" перевода по отношению к языку. В.Н.Комиссаров не отрицает того, что переводчик действительно имеет дело с речевыми произведениями. "Но если языковед будет рассматривать перевод лишь с позиций переводчика, — пишет он, — он рискует пройти мимо существенных черт этого явления, которые включают его в предмет языкознания, задача которого состоит в том, чтобы в наблюдаемых фактах речи обнаружить проявление системы языка" [Комиссаров, 1980,27]. Отсюда делается вывод о том, что для лингвистического анализа перевода тексты и речевой процесс являются лишь исходным объектом исследования [там же, 30].

В цитированном выше утверждении прослеживается эхо тех теоретических постулатов, которые в прошлом определяли направление лингвистической мысли. Согласно этим постулатам в сосюрговской дихотомии "langue—parole" лишь первый элемент, обладающий чертами системной и структурной организации, является объектом лингвистического анализа.

С тех пор в методологической ориентации языкознания произошли существенные изменения. Направление "от речевого материала к языковой системе" перестало быть единственно возможным направлением лингвистического исследования. Более того, наметился заметный сдвиг в сторону изучения речи как таковой, ставшей предметом исследования в ряде направлений современного языкознания. Именно эти направления открыли новые перспективы перед теорией перевода. Поэтому Л.С. Бархударов был, на наш взгляд, совершенно прав, увидев тесную связь между теорией перевода и такими лингвистическими дисциплинами и течениями, перешедшими от изучения языка как абстрактной системы к изучению функционирования языка в речи, как психолингвистика, коммуникативный синтаксис, лингвистика текста [Бархударов, 1975, 28].

Исследуя перевод как особый вид речевой коммуникации, теория перевода не ограничивается анализом его языкового механизма. Ведь перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. В переводе находят свое отражение ситуация порождения исходного текста и ситуация перевода. Едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате. Именно поэтому в предмет развиваемой в данной книге теории перевода входит процесс перевода в широком социокультурном контексте с учетом влияющих на него внеязыковых факторов — его социальных, культурных и психологических детерминантов. Без учета послед-

них едва ли возможно адекватное теоретическое описание перевода и раскрытие его сущности.

В число компонентов переводческой деятельности, моделируемой в теории перевода, входят "соприкасающиеся" друг с другом тексты.

Односторонняя ориентация лишь на один из компонентов, подчинение ему всех остальных смещает перспективу анализа и неизбежно ведет к недооценке некоторых факторов, влияющих на перевод. Так, Г.Тури, справедливо критикуя некоторые традиционные варианты теории перевода за одностороннюю ориентацию на исходный текст (соответствие этому тексту рассматривается как главная и определяющая черта процесса перевода), предлагает в то же время иной подход, ориентированный на тексты перевода, на лежащие в их основе традиции и нормы [Toury, 1980; 1981]. Думается, что этот подход не менее уязвим, чем подход, ориентированный на исходный текст.

В заключение остановимся на структуре теории перевода. Она подразделяется на общую теорию, рассматривающую общие закономерности перевода независимо от его жанровой специфики, условий его осуществления и особенностей, определяемых соотношением тех или иных конкретных языков, и частные теории. Последние существуют в трех измерениях. Прежде всего, среди них выделяются дисциплины, ориентированные на тот или иной жанр или тип текстов (художественный, научно-технический, публицистический перевод и др.). Следующую группу составляют дисциплины, ориентированные на условия и способ осуществления перевода (устный последовательный, синхронный, двусторонний перевод и др.). Наконец, еще одной разновидностью частных теорий является та, которая ограничена той или иной парой языков (перевод с русского языка на английский, с немецкого на французский и т.д.).

Между общей и частными теориями существует тесное взаимодействие. Общая теория создает понятийный аппарат для описания перевода, раскрывает его общие закономерности и инвариантные черты, тем самым создавая концептуальную базу для построения частных теорий перевода. Что касается последних, то они, выявляя конкретные жанровые, языковые, культурные и психологические детерминанты процесса перевода, вносят существенные уточнения в данные общей теории и дают ей материал для обобщения.

Как отмечалось выше, в настоящей книге предлагается вариант общей теории перевода. Рассматриваемые в ней проблемы (сущность перевода, эквивалентность, переводимость, нормы перевода и др.) и составляют предметную область этой теории. Решая эти и другие вопросы, теория перевода поддерживает тесную связь с другими языковыми и неязыковыми дисциплинами. Характеристике этих связей посвящены следующие разделы главы.